

Юрий ИВАНОВ

МОЕ БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО

В городе чувствуется тревога, напряжение. Мы с мамой идем по переулку Смирнова, который тогда назывался по-старому Ломанский, что на Выборгской стороне. «На нас напал нехороший дядя, началась война», — сказала мама и показала куда-то вверх. Я посмотрел вверх, ничего там не увидел, кроме верхних этажей зданий, но понял, что у нас что-то неладно. С этого момента началась новая жизнь, жизнь во время войны.

Родился я в Ленинграде, в рабочей семье в 1937 году, том самом. Отец — модельщик высокой квалификации. Зарабатывал хорошо, так, что мог освободить мою маму от работы, и я воспитывался в семье, в детский сад не ходил. Как и большинство людей в те времена, и отец и мать родились в деревне, в город уехали от «Великого перелома», то есть от колхоза. Место рождения, а находилось оно в Псковской области, у моих родителей было необычным. Мать родилась в деревне Зимари, в полукилометре от Михайловского, имения Пушкина, а отец в деревне Кокорино, в одном километре от Тригорского, имения Осиповых-Вульф. Семья эта, как известно, послужила прообразом семьи Лариных из романа «Евгений Онегин». Позднее, приезжая на лето к родственникам, я часто ходил по дороге поэта между двумя этими домами-музеями.

Сейчас на восстановленном доме-музее Тригорского висит табличка, в которой сказано, что Тригорское в 1917 году было разграблено окрестным населением. В числе этого населения находился и мой отец, который тогда был подростком. По его рассказам, во дворе валялось очень много книг. Взрослые увозили на телегах мебель и другие ценные вещи, а ребята набрали книг, сколько могли унести. Несколько книг утащил и мой отец. Он помнил, что все они были на каком-то иностранном языке.

Эти события хорошо отражены в стихах Маяковского:

Чем хуже моя Нина, барыни сами.

Тащ в хату пианино, граммофон с часами.

Также был сожжен и разграблен крестьянами дом Пушкина. Моя мать помнит, как он горел. Мама дожила до преклонного возраста, и, возможно, она была последним человеком, который видел настоящий «господский дом уединенный».

Юрий Ильич Иванов родился в 1937 году. Окончил Ленинградский политехнический институт. Работал инженером на Ленинградском машиностроительном заводе «Звезда». С января 1975-го по ноябрь 1977 года по направлению Государственного комитета по экономическим связям работал в качестве эксперта ООН по дизельным электростанциям Восточной Африки в городе Могадिशо (Сомали). С 1990 года по настоящее время работает по индивидуальным контрактам переводчиком с английского языка технических текстов. Блокадник, ветеран войны, ветеран труда.

Близость к Михайловскому у нас оспаривают три деревни: Савкино, Дедовцы и Зимари. Все эти деревни косвенно упоминаются в произведениях Пушкина. Но наиболее ярко Пушкин описывает Зимари, хотя самого этого названия у него нет. Савкино находится за лесом, и из Михайловского его не видно. Однако Савкину повезло больше всего. После войны из этой деревни сделали образцово-показательное село. Всем его жителям, на зависть окружающим, бесплатно построили красивые просторные дома и покрыли их красной черепицей, привезенной в качестве трофея из Германии. Эта «немецкая деревня» выглядела довольно нелепо среди других, избы которых были еще очень долго покрыты соломой. Дедовцы, пожалуй, самая близкая к Михайловскому деревня, находится в низине и не очень эффектно смотрится. Дедовские жители считают, что именно их деревню имел в виду Пушкин, когда писал:

На границе владений дедовских, на месте том,
Где в гору поднимается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

Конечно же, вы не правы, дедовские. Какие могли быть у вас тогда владения. У вас были только наделы. Владения были у помещиков. Да и три сосны стояли за рекой, на том же берегу, что и Михайловское.

А вот что пишет Пушкин о Зимарях:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака мелькает иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты...

Хочется кое-что сказать об этом отрывке жителю этих «рассыпанных хат». Меня назовут нахалом, и правильно сделают, но все-таки я поправлю Пушкина. Дорогой Александр Сергеевич, дома у нас никогда не называли хатами, называли их избами. Помните, и писали вы: «По мшистым топким берегам чернели избы, здесь и там...», хотя «чухонцы» свои жилища избами не называли. Такие слова, как нива, у нас тоже были не в ходу. Свои наделы мы называли полосами. Овины, где сушили зерно, у нас почему-то назывались ригами. В остальном все правильно.

Пару слов о «мельницах крылатых». По рассказам стариков, ветряных мельниц в тех местах было действительно много. И стояли они, конечно же, на холмах, так как там было больше всего ветра. Одна такая мельница принадлежала моему прадеду, и находилась она на окраине Зимарей. Разрушенный фундамент от этой мельницы я хорошо помню. Эта мельница была одной из тех, которые видел Пушкин из своего дома. Сейчас в Михайловском построили макет такой мельницы в натуральную величину, но это для экскурсантов. Стоит она там, где ее никогда бы не построили, в низине.

Место, которое так красочно описывает Пушкин, представляет собой как бы чашу, краями которой с одной стороны являются «ряд холмов», а с другой — «холм лесистый» и другие холмы, на одном из которых и построен дом Пушкина. На доньшке чаши находятся два озера: маленькое Маленец, большое Кучане, больше известное как Петровское, изумрудный заливной луг со старицей и красивая чистая река Сороть. Вода

Сороти в то время была такой чистой, прозрачной и ароматной, с запахом кувшинок, то есть желтых водяных лилий, что мы пользовались ею как питьевой, а чай из нее был самый вкусный на свете. Чистой же она была потому, что текла по песчаному грунту. Русло реки очень необычно. Река впадает в озеро Петровское и тут же из него вытекает. Она как бы только слегка касается озера. В месте такого касания находится масса островков и протоков. В общем, красота, которую только Пушкин и смог описать.

Но вернемся к началу войны. Город гудел, все куда-то торопились. Мы ходили по булочным, где народ начал скупать хлеб. Везде стояли очереди. Я стал просить у мамы булочку за 40 копеек, то есть сдобную булочку, типа нынешней «Свердловской», облитой сахаром. Мама обещала, но сдобных булочек, да и вообще белого хлеба уже не выпекали. Это было первое лишение, которое я испытал. Если бы я знал, что еще ждет нас впереди!

И вот начались военные будни. Всех обязали заклеить окна полосками бумаги, что и выполнили родители. Кроме того, купили черные бумажные шторы, сделанные в виде обоев, которыми следовало закрывать окна, как только будет включаться свет.

Жили мы в коммунальной, но хорошей квартире по адресу: Лесной проспект, 20. Всего два жилья. Нашими соседями была интеллигентная бездетная семья инженера-строителя. Жили довольно дружно, хотя вряд ли нашим жильцам нравилось, как по праздникам у нас собирались деревенские гости, которые крепко выпивали, после чего пели свои псковские песни и частушки, а также плясали, громко топая, как привыкли у себя в родных краях.

В школе, находящейся во дворе нашего дома, организовали сборный пункт мобилизованных в армию. В садике поставили стойки в человеческий рост, с вплетенными в них прутьями, которые изображали вражеских солдат. Новобранцы с учебными винтовками, изготовленными из дерева и соответствующим образом выкрашенными, кололи эти стойки штыками и били прикладами. Хочу заметить, что винтовки были сделаны очень искусно. Даже вблизи они выглядели как настоящие. После войны, когда я был подростком, мне каким-то образом попала одна такая винтовка, и я гордо носился с ней по двору до тех пор, пока какой-то бдительный товарищ не подбежал ко мне и не выхватил это оружие. Он был очень удивлен, увидев, что это деревянное изделие, похвалил его и вернул мне. Во дворе поставили также выполненный из фанеры макет танка в настоящую величину. В него солдаты, тогда их называли бойцы, бросали гранаты. Танк, который был выкрашен в зеленый цвет, мне очень нравился. Я все время ходил вокруг него и часто залезал внутрь.

Однажды во двор въехала машина и высыпала кучу песка, предназначенного для тушения зажигательных бомб. Взрослые стали носить этот песок ведрами на чердаки. Подошел и я со своим детским ведерком. Мне его насыпали, и я тоже полез на чердак, где и высыпал песок в одну из куч, которыми было заполнено все пространство чердака. Признаюсь, подниматься по крутой лестнице, а этажи тогда были высокие, второй раз мне не хватило сил. Тем не менее таким образом я внес свою крупинку в дело обороны города, чем и безмерно горжусь. Здесь хотелось бы еще отметить, что крыша нашего обычного пятиэтажного дома была почему-то покрыта не кровельным железом, а рубероидом. Наверно, это был единственный такой дом в городе. Нам просто повезло, что зажигалок на нашу крышу не попало. Не пострадал также наш дом ни от бомб, ни от снарядов.

Как-то у соседа собрались гости, все военные моряки. Они сидели на кухне, выпивали. Я вертелся тут же и с восхищением глядел на них. И вот один из них заметил меня и сказал: «Хочешь пострелять из пистолета?» Я замер от такого предложения и не поверил своим ушам. Тем не менее моряк вынул пистолет из кобуры, разрядил его

и дал мне. Я сделал из него, как сейчас помню, четыре щелчка, которые мне казались настоящими выстрелами. Из своей комнаты вышла соседка и долго ругала легкомысленных моряков. Хорошо помню, что, несмотря на свои четыре с половиной года, я легко удерживал пистолет на вытянутой руке. Вот что значит деревенская закалка.

Вскоре начались бомбежки и артобстрелы. О бомбежках еще как-то предупреждали по радио (как мне показалось, радио у нас работало всю блокаду, без перерыва). Сначала включался ужасный звук сирены, а затем какой-то металлический голос начинал говорить, повторяя: «Воздушная тревога, воздушная тревога...» Все бежали в бомбоубежище. Но это поначалу, а потом, по крайней мере в нашем дворе, в бомбоубежище никто не ходил. По окончании бомбежки весело звучал горн, и опять тот же голос говорил: «Отбой воздушной тревоги, отбой воздушной тревоги...» На душе сразу становилось радостно. Мелодию отбоя воздушной тревоги я хорошо запомнил и сейчас играю ее на флейте.

Артобстрелы предупредить было нельзя. Они начинались неожиданно. Так погибла наша соседка. На ткацкой фабрике «Октябрьская», что на Большом Сампсониевском проспекте, который тогда назывался проспектом Карла Маркса, где она работала, закончилась смена, и все работницы собрались домой. Тут и начался обстрел. При артобстреле все прячутся за северные стены домов. Спрятались на фабрике и женщины. Однако вскоре им надоело ждать, и группа женщин решила перебежать открытое пространство под защиту других домов. Здесь их и настиг снаряд. Всю группу разметало. Почти все погибли. У соседки оторвало голову и кисть руки. По окончании артобстрела всех погибших снесли в Сампсониевскую церковь. На опознание пришел брат соседки. На руке без кисти остались золотые часы, которые продолжали ходить. Брат их снял. Тогда это было большое богатство. Сосед наш вскоре эвакуировался, и мы остались в квартире одни.

Постепенно приходили голод и холод. Но мы справлялись. Семья наша была молодая и крепкая. Все были здоровыми, выросли на хороших деревенских продуктах. Отца в армию как высококвалифицированного специалиста не взяли. Мама, практичная деревенская женщина, в отличие от нашего «мудрого вождя» знала, что война будет, и заранее засушила две наволочки сухарей и наволочку картошки. Сушить сухари было опасно. Сосед все время грозился донести на маму «куда следует» за то, что она сеет панику. Тем не менее сухари были засушены, и благодаря этому мы выжили. Надо сказать, что картошка, вообще-то, не поддается сушке. Она у нас почернела. Вкус у нее был ужасный. Но мы ее съели. Хорошо помню и вкус картофельных очистков. Однажды мама сварила из них суп. И хотя очистки были картофельные, никакого вкуса картофеля я не почувствовал. Жевание вареных очистков напоминало мне жевание травы.

С холодом тоже справились. Поставили буржуйку. Трубу вывели не в окно, как это делали обычно, а в вентиляционную шахту, которую отец нашел в стене коридора. Он выбил кирпичи и вставил туда трубу от буржуйки. Это было очень хорошее решение. Шахта имела сильную тягу, и поэтому печурка у нас никогда не дымила. Те же, кто вывел трубу в окно, при сильном ветре страдали от дыма. Буржуйку, сделанную из листового железа, обложили кирпичом, и получилась очень хорошая теплая печка. К горизонтальной трубе отец прикрепил проволоку, на которой можно было даже что-нибудь посушить. С дровами у нас проблем не было. Отец на работе набрал отслуживших свой срок деревянных моделей, которыми мы и топили. Принес он также несколько плиток столярного клея.

Хорошо помню продуктовые карточки. Их выдавали на каждую декаду месяца. Делалось это специально для того, чтобы в случае если кто-нибудь потеряет карточку, то десять дней он, возможно, смог бы продержаться. Потерянные карточки не во-

зобновлялись. Карточки берегли, как свою жизнь. За них могли ограбить и убить. Карточки отоваривали только в определенных магазинах. К ним нужно было заранее «прикрепиться», то есть зарегистрироваться в качестве покупателя.

Был такой случай. На заводе («Русский дизель», где работала мама) выдавали карточки. Было это в заводской столовой. Мама получила карточки, положила их на стол и на секунду отвернулась. Когда она повернулась обратно, карточки исчезли. Это означало почти верную смерть. Мама закричала страшным голосом. В столовой нашлись активные люди, которые сразу закрыли все двери и начали обыск. Первой под подозрение попала приятельница мамы, которая в тот момент находилась рядом. Она не признавалась. Тогда женщины начали ее раздевать. И карточки нашлись. Пока мама отвернулась, воровка мгновенно сняла платок с головы, развернула его, положила туда карточки и снова надела. Такие вот были люди.

Был еще более страшный случай. Одна из женщин, которая работала в литейном цехе, оказалась людоедкой. Ее вычислили по большому количеству кипятка, который она выпивала в течение смены. На нее заявили в милицию. При обыске у нее на квартире нашли части человеческого тела. Одна из работниц была понятой и потом рассказала, как проходил обыск. Запомнился такой факт. У милиционера оказалась плетка. Он хлестнул женщину, она закричала и все рассказала. Про плетку я хорошо помню, интересно, значит, у милиции были плетки. Странно, что никто об этом не упоминает. Технология убийства страшная, но для истории необходимо знать все. Она зазывала одинокого солдата к себе домой. Наливала ему чашку чаю. На первой чашке она давала ему расслабиться, а когда он начинал пить вторую, подходила сзади и ударяла ему обухом по голове. Вот так.

Несмотря на то, что у нас были кое-какие запасы и тепло, силы постепенно таяли. Все становились дистрофиками. Не выдерживал разум. Иногда появлялись различные галлюцинации. Особенно по ночам. После войны два человека рассказывали мне, что у них были видения такие страшные, что они не хотели об этом говорить. Было такое видение и у меня, но я о нем расскажу.

Однажды ночью, а спали мы все вместе на одной кровати, я проснулся от какой-то тревоги. И вот оно, кошмарное видение. На стене я увидел свою смерть. Это был череп со скрещенными костями, размером во всю стену. Сейчас я понимаю, что ничего мистического в этом не было. Очевидно, я запомнил изображение, которое рисовали на трансформаторных будках. Но тогда я об этом не знал и такую картину принял всерьез. Почувствовав ужас, я закричал, как мне казалось, громко, но мама мне впоследствии сказала, что я что-то прошептал своим слабым голосом. Я попытался встать и даже встал, но ноги меня не держали. Мне казалось, что ступни мои не плоские, а какие-то круглые, а лежу я не на кровати, а на какой-то куче жердей, которые подо мной рассыпаются. Потом я вспомнил, что летом в деревне у деда я пытался залезть на кучу жердей, а они рассыпались подо мной. Мама проснулась, увидела мое состояние и сразу все поняла. Она меня спасла. У нее была привычка опытного блокадника не съедать весь хлеб, а всегда оставлять небольшой кусочек на всякий случай. Такой случай наступил, и она сунула мне в рот этот кусочек. Я успокоился и заснул. Так я выжил.

Потом открыли Дорогу жизни, и стало немного легче. Помню, как мама принесла половину буханки хлеба и радостно сообщила, что норму прибавили. От хлеба она отломил кусочек и дала его мне. Впоследствии мама рассказывала, что я чуть не откусил ей палец. Как это ни странно, зубы у меня были крепкие. Вкус этого хлеба я помню до сих пор. Хлеб в те времена был немного сыроватым, видимо, его недопекали.

Наверное, не я один, а все блокадники вспоминали что-то вкусное, которое они до войны недоели. Всю блокаду я, мучаясь, задавал себе вопрос, почему же я не съел до конца тот торт, который мне как-то купили. Этот торт я помню до сих пор, он был

круглый и ступенчатый. Также я постоянно вспоминал и ту гречневую кашу, которую мне положили в масленку с остатками масла, чтобы не пропали. Каша была очень уж масляная, и, конечно, ребенку было ее всю не одолеть. Да, были и такие муки.

Окна наши выходили на север, и поэтому, артобстрелов мы не боялись. На глазах у отца в купол Сампсониевской церкви попал снаряд. Отец даже видел этот снаряд. Он был на излете и летел уже не так быстро. После папа рассказывал, как он увидел какую-то черную точку, которая показалась ему вороной. Это и был снаряд. После попадания купол покосился, и он оставался таким вплоть до самой перестройки, когда его начали ремонтировать поляки.

Кроме снарядов и бомб, сбрасывались и листовки. Мама рассказывала, что в одной из них было написано: «Эй вы, бабы, доедайте-ка бобы да ложитесь-ка в гробы». Не знаю, зачем немцы злили людей. Злые люди сильнее сопротивляются.

Жили мы на последнем, пятом этаже. Ко всем нашим мукам добавлялся и подъем по крутой лестнице. На лестнице мы оказались одни, все эвакуировались. Поднимаясь на свой этаж, мы видели, что все квартиры вскрыты и разграблены. Кто-то ломал двери и уносил все ценное. Возле одной из квартир лежали граммофонные пластинки. Мама унесла их к себе. На одной из них был записан знаменитый фокстрот «Рио-рита». После войны я оказался счастливым обладателем модной пластинки.

В нашем дворе долго стояла детская педальная машина. Но это была не простая машина для маленьких детей, а солидный агрегат для подростков. Машина была явно иностранного происхождения. Длинной она была около двух метров. Она блестела черным лаком, как настоящая. Видимо, кто-то пытался ее увезти, но не смог. Я стал просить у родителей забрать ее. Но даже если бы они и захотели это сделать, сил затащить такую машину в квартиру у нас не было. Интересно то, что после войны я помню, как какие-то дети вытащили ее на улицу и пробовали на ней покататься. Но она была сильно повреждена, и у них ничего не вышло. Больше эту машину я не видел.

Почему мы не эвакуировались? Нам предлагали это сделать и даже присылали строгие повестки на эвакуацию. Но мы всеми возможными способами избегали ее. Дело в том, что если эвакуировалась семья, в которой нет военнослужащего, то у нее отбиралась жилплощадь. Помню, что после войны, приезжая в свой город, люди ютились по разным углам. Семья моего дяди, например, жила в одной комнате с другой семьей за загородкой из занавески. При этом пропадала не только комната, но все вещи в ней: мебель, одежда и все остальное.

Теперь о главном. Все эти события, голод и холод для моей мамы были тяжелыми вдвойне. Она была беременна. Роды намечались на январь. Прежде чем пойти в родильный дом, она разделила все наши запасы крупы на семь кучек и строго-настрого приказала отцу ежедневно варить из них кашу. Отец справился с этим заданием. Мы с ним выжили, пока мама была в больнице. 5 января 1942 года мама родила девочку. Роды прошли нормально, и девочка оказалась здоровой. Она даже прожила самое трудное время. Умерла она в апреле, но не от голода. Ее покормили в яслях соевым молоком, которое оказалось для нее смертельным. Недавно по телевизору выступала блокадница, которая родила в декабре 1941 года. Ее ребенок тоже отравился соевым молоком в яслях и тоже в апреле. Я хорошо помню это соевое молоко, так как оно было настолько отвратительным, что, несмотря на голод, пить это молоко я не мог. Меня от него тошнило. Одно время это молоко продавали уже в мирное время. Оно было невкусным, но пить его было можно. Видимо, тогда привезли какую-то неудобоваримую смесь.

Некоторое время у мамы даже было молоко. Помню, она нацедила его в блюдечко, макала в него хлеб и кормила меня. Это была необыкновенно вкусная еда.

Побывал в больнице и я. Заболел скарлатиной. Это было уже в конце блокады. Мама увидела на мне какую-то сыпь и повела в поликлинику. Там сразу определили болезнь и вызвали «скорую помощь». Представьте себе, по городу уже ездили кареты «скорой помощи», не только для раненых, но и по вызову для больных. Мне было непонятно, почему меня назвали больным, так как чувствовал я себя хорошо. Однако с большим удовольствием прокатился на машине. Привезли меня в больницу Раухфуса, где и пролежал несколько дней, все еще не понимая, почему меня лечат. Рядом со мной лежал мальчик, которого когда-то очень некстати назвали Адольф. Дети его часто дразнили. Но я с ним подружился, не обращая внимания на такое страшное тогда имя. В больнице хорошо кормили. Было только очень тяжело смотреть на искалеченных детей, которых там было много.

Но вернемся к первой зиме. Постепенно жизнь даже и в таких условиях начала налаживаться. Стали работать и некоторые социальные учреждения. При заводе «Русский дизель», где работал мой отец, открылся круглосуточный детский сад. Дети находились там всю неделю, а в воскресенье их забирали домой. Мама пошла работать на завод, а меня отдали в этот детсад, который тогда назывался «очаг». Сообща кормить детей было легче, и мы там начали кое-как приходить в себя. Здание детского сада сохранилось. Оно находится на углу Большого Сампсониевского проспекта и Нейшлотского переулка. Сейчас там какое-то учреждение без вывески. Прежде чем определиться в очаг, я прошел медосмотр у доктора детского сада. Несмотря на блокаду, медицинская служба работала. Здесь я с удивлением узнал, что мое отчество Ильич. Что такое отчество, я не знал, но понял, что меня зовут почти так же, как зовут Ленина, чем очень возгордился.

Иногда нас подкармливали дополнительно. Помню, один раз нам сказали, что из госпиталя (рядом находилась Военно-медицинская академия) раненые прислали нам хлеба. Нас всех посадили за маленькие детские столики по четыре человека и на каждый стол поставили таз (помню даже цвет этого таза, он был зеленый) с кусками хлеба в нем разных размеров. Был это только черный хлеб, белого там не было. В нашем тазу один кусок хлеба (вот чудо!) был намазан тончайшим слоем масла. Дети стали брать из таза эти кусочки и есть. Никто не решался взять хлеб с маслом первым. Мне стыдно до сих пор, но этот кусок взял я. Все укоризненно посмотрели на меня, но никто ничего не сказал. Маленькие мудрые дети-старички, как я вам благодарен!

Вспоминается и такой эпизод. У нас был обед, на который подавали жидкую кашу, что-то вроде супа из крупы. Всех рассадили за столики и положили по куску хлеба. Удержаться было трудно, и я, не дожидаясь каши, откусил кусочек и начал его жевать. Но это оказался не мой хлеб, а сидевшей рядом девочки. Она подняла страшный шум. Я предложил ей свой кусок, но она сказала, что ее кусок хлеба был толще. Поразмыслив, я предложил ей откусить от моего хлеба. И она постаралась. Ее кус был намного больше моего. Тут уж настала моя очередь возмущаться. Разразился скандал, который вскоре утих, так как начали раздавать кашу.

Одна бомба упала совсем рядом с нашим детсадом. Дом не пострадал, но все стекла были выбиты. Мы в это время спали. Взрыва не помню, но помню, что нас стали одевать, куда-то вели, и под ногами хрустели стекла. Воронку от бомбы хорошо помню. При этом были выворочены два дерева из ряда деревьев, которые росли вдоль забора нашего детсада. Воронку вскоре засыпали, а на месте погибших деревьев посадили новые. После войны эти деревья выросли, но было видно, что они резко отличались размерами от остальных деревьев.

Несмотря на то, что нас подкармливали, мы были очень слабы. Я вспоминаю, как шли мы с мамой по нашему двору уже весной. Было солнечно, тепло, на душе было весело, мы пережили зиму, мы живы. И мне захотелось побегать. Я выпустил мамин

ну руку и попробовал бежать. Но смог сделать только несколько медленных шагов. Я очень этому удивился. В моей детской голове, как сейчас помню, пронеслось: «Ведь я же помню, что до войны я бегал! Почему я не могу сделать это сейчас?!» Такими мы были.

Со всего нашего большого дома по Лесному проспекту, 20 (это знаменитый «нобелевский дом», построенный Нобелем для своих рабочих) в детский сад ходили только две девочки. Как умудрилась их мать, маленькая женщина, работавшая уборщицей, в одиночку выводить этих малышей в первую блокадную зиму, представить невозможно. Памятник надо бы поставить таким матерям. Тем не менее семья эта пережила всю блокаду, и я хорошо помню их всех и после войны. Фамилия девочек была Щербаковы, а звали их Рая и Нина. Хотелось бы узнать их судьбу.

На Новый год мы устраивали праздник. Готовили какие-то номера, даже шили костюмы. Помню, как наши девочки вместо слов «мы белые снежиночки, холодные всегда» пели «мы белые снежиночки, голодные всегда».

Жизнь продолжалась. И вот нам объявляют новость. Наш очаг отправляют на лето на дачу! Кругом война, голод, а мы едем отдыхать. Какими словами можно выразить благодарность организовавшим все это людям? В это трудно поверить, но так все и было. Два блокадных лета 1942 и 1943 годов мы отдыхали на даче. Дача наша находилась в парке Лесотехнической академии. Там стоял большой деревянный дом, в котором мы все и разместились.

Жизнь на даче я вспоминаю как обычное детсадовское событие. Блокады как бы и не было. Мы гуляли парами по парку, было тепло, голода я уже не помню. Нам читали книжки, мы разучивали песни. Водили в знаменитую круглую баню на площади Мужества, которая и до сих пор работает. Воспитательницы разбили огороды, посадили кое-какие овощи. Один раз война все-таки напомнила о себе. Во время нашей прогулки над парком появились самолеты, и начался воздушный бой. Самолеты ходили большими кругами и непрерывно строчили из пулеметов. Деваться нам было некуда, и мы стояли и глазели, подняв головы. Я еще тогда подумал, что звук пулеметных очередей похож на стрекот маминой швейной машинки. Слава богу, тогда никого не подбили, и все разлетелось по своим аэродромам.

Наша дача находилась недалеко от работавшего тогда 10-го хлебозавода. И вот однажды дети нашли в кустах кем-то вынесенный из завода и припрятанный мешок с несколькими буханками хлеба. Мы торжественно отнесли этот мешок на кухню. В обед у нас был десерт. Каждому достался кусочек поджаренного на постном масле хлеба. Нам показалось, что у нас какой-то праздник. Весь день в садике только об этом и говорили.

В блокадном Ленинграде, оказывается, выпускались книги. Тому были свидетелями все дети нашего детского сада. Однажды воспитательница пришла радостная и сказала, что она купила очень интересную книжку и сейчас она будет ее читать. Мы все уселись на маленькие стульчики и приготовились слушать. Это были сказки Андерсена. Прекрасно помню внешний вид этой книжки. Она была отпечатана на бумаге низкого качества, а обложка была изготовлена из грубого картона сиреневого цвета, без рисунка. Интересно, есть ли в каком-либо фонде эта книжка. В те времена было строго, и один образец печатной продукции должен был куда-то сдаваться. Сказки мне не понравились, так как они были с глубоким философским смыслом и написаны не для маленьких детей, а скорее для взрослых. Особенно мне не понравилось, что никто не замечал, что король был голый. Я тогда, конечно, не понимал, что сам я и был тем самым мальчиком, который и видел, что на короле нет никакой одежды.

Помню еще, американцы прислали нам подарки. Каждому раздали коробочку с набором различных сладостей. Это были печенья, шоколад и баночка с абрикосовым дже-

мом. Для нас это казалось пища богов. Спасибо американцам за печеньки. Абрикосовый джем все почему-то называли просто абрикосом. И только после войны я узнал, что абрикос — это фрукт.

Помню еще, что довольно часто нам давали красную икру. Почему помню, потому что она мне очень не нравилась. Я ею давился. Иногда давали мандарины. Об этом даже написали в каком-то рассказе. Помню еще, что в супе было много перца-горошка. Детям, конечно же, такая специя не нравилась. После войны я читал, что в городе оказались большие запасы этого перца. Настолько большие, что даже ученые-пищевики думали, как вывести из него горечь и приспособить перец в качестве продукта.

Электричества на нашей даче не было. Но воспитатели нашли необычный способ освещать ночью темный коридор, по которому мы ходили на свои горшки, с помощью гнилушек. Они нашли в лесопарке трухлявый пень, раскололи его на поленья и установили эти поленья в коридоре, прислонив их к стенке. Это слабое синее свечение я хорошо помню.

На этом самое страшное кончилось. Как рассказывала мне мама, тяжело было только в первую зиму, а дальше было уже более-менее нормально. Продукты подвозили летом на баржах, зимой по льду. Наши научились воевать, и захвата города уже никто не боялся. Бомбежек уже почти не было, были только артобстрелы, но и они были не такими серьезными, так как с нашей стороны сразу же начиналась ответная стрельба и начиналась артиллерийская перестрелка.

Блокадников становится все меньше, и такие воспоминания, наверное, будут очень ценными.

Я окончил Ленинградский политехнический институт. Работал на заводе, а также в ООН экспертом по дизельным электростанциям Восточной Африки.